

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

СТРАНИЦЫ АКТЕРСКОЙ ЖИЗНИ

КОРОТКОМЕТРАЖКА ПЕРЕД ФИЛЬМОМ

ЗАШИФРОВАННЫЕ ПОДПИСИ

ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

ПРОЖИТОЕ И ЗАДУМАННОЕ

БЕСЕДА была долгой, а я не устал слушать и все более поражался необыкновенной памятью своего собеседника. Он рассказывал о многолетнем творческом пути, сыгранных ролях, о том, как формировались его взгляды на искусство, как осознал свое призвание и как было суждено осуществиться его мечте стать актером.

— **Начало пути!** — переспрашивает Игорь Владимирович. — А что считать началом? Когда созрело решение идти на сцену или когда вступил на нее, ощутив под собой подмошки и увидев страшную своей чернотой глубину зрительного зала?

— Действительно было так страшно? Ведь вы себя готовили к встрече со зрителем.

— Готовил, конечно. И меня готовили. А когда впервые вышел на сцену, потерял дар речи. Впрочем, она мне не понадобилась. Роль была бессловесной. Да и к тому же... в опере. Не улыбайтесь — в опере. Мне, правда, петь не полагалось. Мне поручили молчать. Говорят, что молчал удачно. Сначала в «Фиделио» — в толпе, а потом в «Виндзорских проказницах», где хоть говорить и не надо было, движений, прыжков, мимики довольно много. Я играл шута, безмолвного слугу просцениума.

Тогда я уже учился в театральной студии, которой руководил Федор Федорович Комиссаржевский.

— Простите, что перебиваю. Когда же возникло решение стать актером?

— Было это пятьдесят лет с лишним назад — летом 1917 года. Твердо понял, что должен идти на сцену. До этого одолевали сомнения, а поселил их во мне отец. Он не верил, что я смогу быть хорошим артистом. Чаще всего родители склонны переоценивать способности своих детей, а отец весьма критически относился к моим стремлениям.

Вундеркиндом я не был. Как почти все дети, и я пережил цикл увлечений. Вначале я хотел стать извозчиком. С настоящей лошади. Не удалось. Занился литературной деятельностью и даже жаждал издавать свои сочинения. Тоже не удалось. Тогда открыл дома театр. Сам написал пьесу, сам ее ставил, оформлял и, конечно, сам играл. Подросток и забросил все — меня увлек спорт. Гребля, коньки, хоккей, футбол, теннис. Интерес к театру вспыхнул к 16 годам. Вот тогда и поступил в студию.

— Вы считаете себя учеником Комиссаржевского?

— Да, в его студии я понял, что такое искусство театра, и его заветы очень дороги мне. Теперь, спустя столетия, я могу сказать, что на всю жизнь остался верен его наставлениям. Он требовал от учеников правды. Идеальным он считал актера перевоплощающегося, рожающегося в каждой новой роли новый образ, а не играющего «самого себя», свои чувства. В дальнейшем мне много дали система Станиславского, его великие открытия. Многому научился и у Мейерхольда.

Игорь Владимирович перебирает груды снимков, а мой взгляд останавливается на большом портрете Мейерхольда, висающем на стене. На нем дарственная надпись Игорю Ильинскому: «Единственному и величайшему из комиков». Пососедству другая фотография — Ильинский в роли Акима из «Власти тьмы» в Малом театре. Это ли не живое свидетельство только что высказанной мысли об актере перевоплощающемся! Комик Аркашка в мейерхольдовском «Лесе», Хлестаков и трагический Аким — в толстовской пьесе. Каков диапазон дарования!

А ведь до Акима были не только Аркашка и Хлестаков, а целая галерея комических образов на сцене и в кино. Вспоминаются «Закройщик из Торжка», «Процесс о трех миллионах», «Волга-Волга», «Карнавальная ночь».

В газетной статье нет возможности даже перечислить все более или менее значительные роли, сыгранные Игорем Ильинским, не говоря уже об образах, блистательно созданных им как масте-

ром художественного чтения. Все его творчество освещено огромным талантом и поистине неустанным трудом.

— Как готовили вы последнюю работу в спектакле «Джон Рид»?

— Мне бы не хотелось произносить ставшими уже неким стандартом слова, когда речь идет о такой непосильной задаче, как воплощение образа Ленина. Конечно, я изучал множество книг, читал воспоминания соратников Ильича, его близких, друзей, просматривал иконографический материал, хроникальные фильмы. Но ведь суть состояла не в том, чтобы ограничиться воссозданием внешнего облика. Надо было найти свои собственные средства, чтобы передать по мере возможности внутреннюю сущность образа. Нескольким облегчили и вместе с тем затруднили мою задачу в какой-то мере эскизность и иллюстративность литературного материала. Со своей стороны и я могу считать эту работу своего рода эскизом воплощения великого образа. Не скрою, что никогда в жизни я не был в таком трепетном волнении, когда впервые вышел на сцену в роли Владимира Ильича. Ну, а о том, как я справился с этой поистине исключительной задачей, говорить не мне.

— Скажите, пожалуйста, как вы относитесь к проблеме выдвижения молодых талантливых актеров?

— Вы затронули очень сложный и больной вопрос. Надо говорить не столько о выдвижении, сколько о всестороннем воспитании молодежи, связанном со смелым выдвижением. К этому давно уже следует привлечь внимание театральной общественности.

Я знаю, как работали такие выдающиеся режиссеры, как Станиславский, Мейерхольд, Таиров, первый мой учитель Комиссаржевский. Они неизменно были озабочены творческим ростом актера, старались всемерно расширить сферу его сценической жизни. При этом они поручали ему новую роль, противоположную по характеру той, которую он до этого сыграл. Это было правилом, я сказал бы, даже законом режиссерско-педагогического искусства.

Почему теперь режиссер порой берет актера на данную роль? Потому что подобную роль он недавно сыграл в спектакле, а еще чаще в кино. А почему бы не дать ему возможность проявить себя в ином плане, в котором, может быть, откроются новые грани его дарования?

Может ли актер творчески расти, повторяя себя? С одной стороны, критика справедливо зовет его к поискам, а с другой, на практике его используют как реквизит, как уже опробованную, проверенную деталь механизма.

Не так-то просто было поручить мне роль Акима. Ведь надо мной тяготел рок комика. Рисковала режиссура.

— А вы легко пошли на риск?

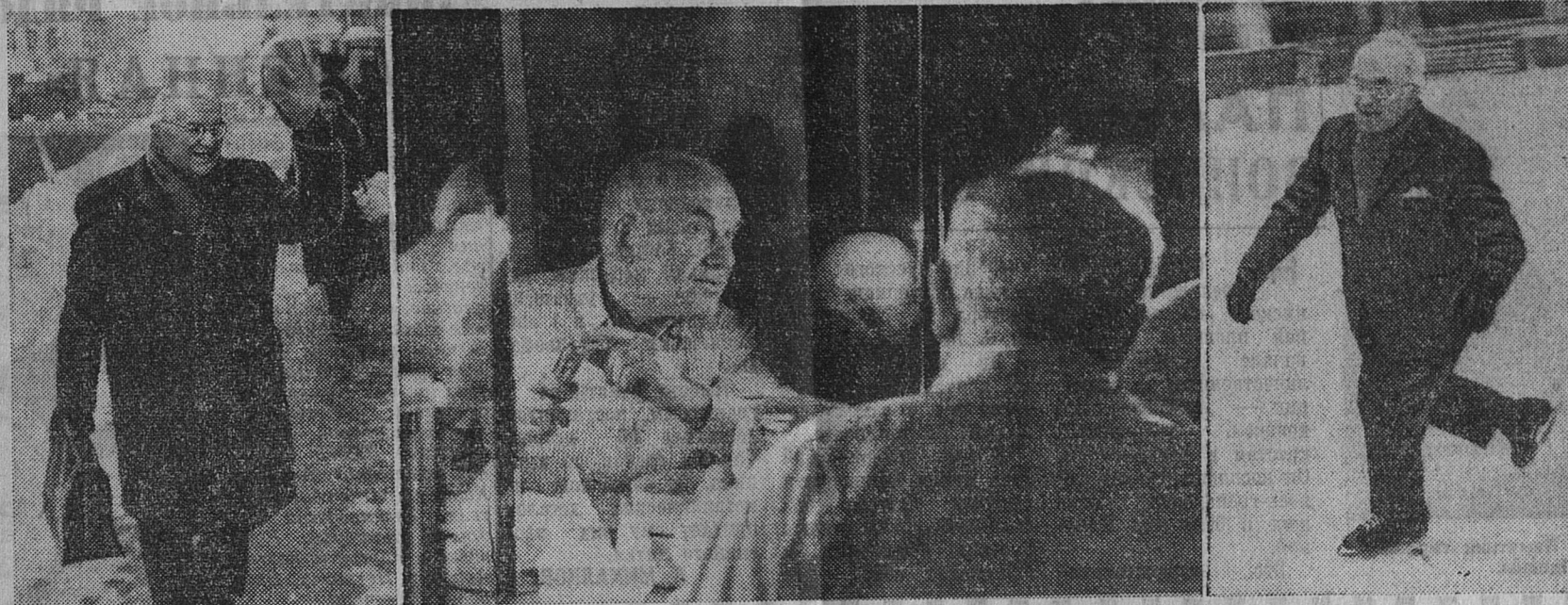
— Нет, я не рисковал. Я был бесконечно рад, что мне выпала трудная задача. Я был увлечен ее решением и верил в свои силы. Я жаждал проникнуть в этот новый для меня мир.

— Вам, наверное, кое-кто напоминал стародавнюю театральную «истину», что, дескать, каждый комик мечтает сыграть короля Лира?

— Вероятно, были такие «доброжелатели», хотя мне прямо этого не говорили. А когда «Власть тьмы» уже была поставлена, в моего Акима, кажется, поверили.

— Теперь заключительный вопрос. Не упрекайте меня в банальности, такова газетная традиция: ваши творческие замыслы?

— О нет, в этом банальном вопросе заложено так много, он так сложен, порой мучителен и значителен... Для меня сейчас, пожалуй, это самое главное. Это жизнь, которую мне еще предстоит прожить. Это сокровенные мои чаяния и надежды. Замыслы! Да это ведь штурманский курс, который каждый из нас прокладывает на карте своей творческой биографии. Это то, к чему мы стремимся, что должно превратить мечту в явь. Кто же живет, не мечтая и не надеясь!

ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ ИЛЬИНСКИЙ на улице... в гримерной театра... и на катке.

Фото Г. КОРАБЕЛЬНИКОВА.

— Вы говорите о внутренней потребности творить, искать, находить? «Покой нам только снится...»?

— Эту строчку Блока я бы не упомянул. Покой мне лично и не снится. Если художник успокоился, значит, он весь — в прошлом.

— Расскажите, пожалуйста, о предстоящих работах в театре и кино.

— К сожалению, я могу говорить о моих мыслях и замыслах, а не о точных, запланированных и начатых работах. Прежде всего мне бы хотелось возобновить связь с кинематографией, где я хочу работать не только как актер, но и как режиссер.

Писатели Б. Ласкин и В. Поляков заканчивают сценарий под условным названием «Воскрешение Огурцова». Как видно из самого названия, старый знакомый герой из «Карнавальная ночь» (сценарий тех же авторов) предстанет уже в новых качествах Огурцова образца 68 года.

Вспоминая замыслы режиссера Я. А. Протазанова, а также и В. Э. Мейерхольда, когда он ставил «Лес» Островского в своем театре, я хотел бы экранизировать эту прекрасную комедию А. Н. Островского и сыграть в ней одну из моих любимых ролей — Аркашу Счастливецова.

Но, конечно, эта экранизация не должна быть спектаклем-фильмом, а должна быть осуществлена в оригинальном, свободном кинематографическом ключе.

В Малом театре принята к постановке пьеса В. Полякова «Да здравствует король!», над которой я должен работать и в качестве режиссера, и как исполнитель главной роли. Это, на мой взгляд, интересная и оригинальная комедия на современную тему, несколько фантастическая и парадоксальная по сюжету, в основе своей жизнеутверждающая и патриотическая.

Есть и еще замыслы и помыслы. Очень хотелось бы слить две пьесы Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» и «Дело» в единый спектакль. Для этого не потребуются никакого «литературного монтажа», никакой ломки текста, только некоторые купюры, которые можно сделать очень бережно. Понимаю, что этот замысел могут встретить настороженно — дескать, длинный получится спектакль, наперекор нынешней моде ставить мини-пьесы, преимущественно двухактные. В этом спектакле я хотел бы взять на себя роль Расплюева или Муромского. Мне кажется интересным поставить из классики «Женитьбу Фигаро» Бомарше и «Месяц в деревне» Тургенева.

Мне хотелось задать Игорю Владимировичу еще один обязательный вопрос: чему посвящаете часы досуга? Но когда вечером увидел его на катке, понял, что юношеское увлечение он сохранил до нынешних дней.

Посмотрели бы вы, его сверстники, как легко, бегают на коньках наш любимый артист! С каким поистине живым задором обгоняет он молодых, годящихся ему в сыновья, а то и во внуки!

А мне рассказывали, что на днях видели Игоря Владимировича и на лыжах, да еще чуть ли не на слаломе. Как не позавидовать!

И. АДОВ.